

Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В ЯПОНИЮ

За последние годы укрепились и расширились научные контакты Института этнографии АН СССР и Национального музея этнологии Японии (Нихон кокуруцу миндзокугаку хакубуцукан, сокращенно — Минпаку).

Созданный в 1974 г. в окрестностях г. Осака, на территории Всемирной выставки Экспо-70, Национальный музей этнологии был открыт для посетителей в ноябре 1977 г.¹ По богатству и уникальности своих коллекций, отражающих этнографию народов мира, по великолепно выполненной экспозиции, в которой органически сочетаются региональный и тематический принципы, по обширному и единственному в своем роде собранию этнографических фильмов этот музей является одним из крупнейших этнографических центров не только в Японии, но и во всем мире.

В 1978—1979 гг. начался обмен экспонатами между Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде (входящем в состав Института этнографии АН СССР) и Национальным музеем этнологии Японии, в связи с чем несколько сотрудников ИЭ АН СССР выезжало в Японию для консультаций по вновь создаваемой экспозиции, а НЭ АН СССР принимал японских ученых. Продолжением этих научных контактов стала и наша командировка в Японию: в течение двух месяцев (с 9 ноября 1980 г. по 8 января 1981 г.) мы по приглашению Национального музея этнологии работали в этом научном центре².

В связи с подготовкой Отделом этнографии народов Зарубежной Азии Института этнографии АН СССР коллективного исследования по календарным праздникам народов Восточной Азии одной из основных задач нашей работы в Японии был сбор материала по этой теме.

Чрезвычайно плодотворным в этом отношении было знакомство с библиотечным фондом музея. Библиотека Минпаку осуществляет обмен литературой с ведущими этнографическими учреждениями мира. Особенно широко и полно представлена в ней научная периодика. Хочется отметить, что музей выписывает много советских научных журналов и располагает, в частности, полным комплектом номеров «Советской этнографии». На полках книгохранилища мы видели немало работ советских этнографов, что свидетельствует о живом интересе,

¹ Дмитриев В. А. Этнологический центр в Японии.— Сов. этнография, 1978, № 3, с. 164, 165.

² Авторы считают своим приятным долгом выразить сердечную благодарность и глубокую признательность директору музея проф. Т. Умэсао, а также проф. К. Като, под непосредственным руководством которого мы работали, представителям дирекции, администрации, научным сотрудникам музея, библиотеки и видеотеки, всему персоналу Минпаку за предоставленные прекрасные условия работы, за гостеприимство и доброжелательное отношение.

проявляемом в Японии к достижениям нашей науки. По многим проблемам этнографии Минпаку обладает уникальными изданиями, и мы не преминули воспользоваться предоставленной нам возможностью снять ксерокопии с наиболее ценных книг по этнографии народов Восточной Азии³.

За время работы в музее мы получили ряд ценных научных консультаций. Особенно важными были для нас беседы с проф. М. Ито о локальной специфике календарных праздников в Японии, а также с известным специалистом по этнографии японского народа проф. Т. Мория об изучении календарных праздников Японии, и в частности праздника Нового года.

Пояснения специалистов помогли нам более основательно познакомиться с исключительно богатыми коллекциями по этнографии Японии, собранными в музее. Экспозиция по этнографии японцев занимает центральное место в разделе, посвященном народам Восточной Азии. Здесь представлены различные типы сельского жилища, орудий и средств рыбной ловли и земледелия, одежды, а также материалы, отражающие верования японского народа. Значительное место в экспозиции отведено экспонатам, связанным с традиционными праздниками.

Изучению представленных здесь предметов очень помог просмотр этнографических фильмов, собранных в видеотеке. Как мы уже отметили, музей имеет единственную в своем роде коллекцию фильмов по этнографии народов мира. Из них более 600 фильмов представлены в видеотеке, и каждый из них может быть просмотрен посетителем. Фильмы цветные, сопровождаются научным комментарием и музыкальным оформлением. Мы просмотрели ряд фильмов, посвященных этнографии народов Восточной и Юго-Восточной Азии. С большим интересом и вниманием мы изучали фильмы, посвященные календарным праздникам Японии, и в частности праздникам предновогоднего и новогоднему цикла. Снятые в разных районах страны фильмы дают возможность изучить сохраняющиеся до сих пор региональные особенности календарных праздников. Сделанные на высоком профессиональном уровне, эти документальные фильмы являются ценными этнографическими источниками. Так, например, о новогодних торжествах в рыбацком поселке Идзумо префектуры Симанэ рассказывает фильм, снятый в январе 1976 г. (№ 10567)⁴. Одним из центральных моментов праздника было следующее: на берегу моря установили бамбуковое деревце (специально для этого срубленное), украсили его огромным раскрашенным изображением карпа. Вокруг этого деревца проходили гуляния. В конце праздника при большом стечении народа это деревце сожгли. Весь этот обряд, в котором принимали участие многие жители поселка, связан с пожеланиями богатых уловов в Новом году. Всего в фильме показано более 10 различных новогодних обрядов и церемоний.

Отдельный фильм (№ 10404) посвящен своеобразному празднику *Хана-мацури* («Праздник цветов»), который проводится в местности

³ К ним относятся, например, первые два тома капитального исследования Нагао Рюдзо, посвященные новогодним обычаям китайцев (*Нагао Рюдзо. Этнография Китая. Т. 1—2. Токио, 1973* (на яп. яз.); давно ставшие библиографической редкостью отчеты о полевых исследованиях народов Южного Китая, опубликованные крайне ограниченными тиражами в 30—40-х годах (*Чжуан Сюэбэнь. Отчет об обследовании ицзу в Сикане. Цюлун, 1941; Цюйму Цзяняо. Заметки об изучении ицзу на юге-западе Китая. Наньцин, 1934; Линь Яохуа. Ицзя Ляншаня. Шанхай, 1947; Отчеты об обследовании яо в Бэйцзяне пров. Гуандун.— Миньсу, 1937, т. 1, № 3, и пр. (все на кит. яз.). См. также, например, глубокое исследование Чин Сонги (директора Этнографического музея в г. Чечжу) «Календарные обычаи и обряды Намгук», в котором приводятся обширные материалы по календарным праздникам на о. Чечжудо (*Чин Сонги. Календарные обычаи и обряды Намгук. Библиотека этнографии и культуры Чечжу, № 9 Чечжу, 1969, на кор. яз.*).*

⁴ Здесь и далее в скобках приводится номер фильма, под которым он значится в программе видеотеки.

Окумикава префектуры Аити в декабре. Фильм был снят в декабре 1973 г. Уже само название праздника «Праздник цветов» свидетельствует о том, что в центре торжества обряды с цветущими или просто с вечнозелеными ветвями. На краю деревни разжигают костер, на котором в большом котле подогревают воду. Когда вода становится горячей, участники обряда (юноши и молодые мужчины) окунают в воду зеленые ветви или пучки рисовой соломы. Затем, быстро встряхнув их, пытаются обрызгать друг друга и многочисленных зрителей, которые весело разбегаются. По мнению японских этнографов, «Праздник цветов», отмечаемый в декабре, связан с древними представлениями о необходимости оказания «помощи» якобы угасающим к концу года силам природы. С этой же идеей связан и праздник *Он-мацури*, который проводится в синтоистском храме Касуга-тайдзя 16—18 декабря. Мы не только изучили фильм (№ 10565) об этом торжестве, но и присутствовали на нем.

В дни новогодних праздников, а также во время встречи Нового года по лунному календарю (обычно он приходится на февраль), в деревнях префектуры Аомори совершаются обряды поклонения духам *Осирасамы* («Священные куклы»). Ряд фильмов рассказывает об этих древних обрядах (например, № 10064, снятый в 1972 г.; № 10344, снятый в 1975 г.).

Идя навстречу "нашим пожеланиям, руководство Национального музея этнологии предоставило нам редкую возможность совершить несколько экспедиционных выездов, два из которых были специально посвящены сбору полевого материала по календарным праздникам японцев. Непосредственным организатором наших поездок по стране, начальником «первой совместной японо-советской этнографической экспедиции» (как между собой называли мы наш небольшой отряд) был известный этнограф проф. К. Като. В первую очередь ему мы обязаны не только успешным проведением наших полевых исследований, но и плодотворностью всего пребывания в Японии.

Получить некоторое представление о традиционных японских праздниках осеннего цикла мы смогли уже вскоре после прибытия в страну.

В начале ноября во многих парках и садах еще продолжались выставки хризантем. Удивительные по расцветке, порой необычные (чтобы не сказать фантастические) по форме кусты хризантем, выращенные любителями садоводами, — одна из ярких примет японской осени. А праздник хризантем, отмечающийся 9-го числа 9-го лунного месяца, — один из наиболее любимых и поэтичных праздников японского народа.

Другим красочным праздником японской осени является праздник детей *Сити-го-сан* (Семь-пять-три), проведение которого приходится на 15 ноября. Сити-го-сан, этот яркий и трогательный праздник мальчиков и девочек, которым исполнилось семь, пять или три года, давно уже стал общеяпонским торжеством. Мы имели возможность наблюдать этот праздник в Кумамото и Дадзайфу (окрестности г. Фукуока). Кроме того, мы могли видеть подготовку к нему в других районах, а также записать ряд устных сообщений об истории праздника и его символике. Так, проф. Г. Обаяси во время дружеской встречи в Токио обратил наше внимание на то, что праздник Сити-го-сан стал особенно популярен в последние десятилетия и что по традиции основные расходы в семье по его проведению несут дедушка и бабушка со стороны матери — они шьют детям праздничную одежду.

Всем детям, участникам этого торжества, шьется новая нарядная одежда, предназначенная именно для этого праздника, обязательно традиционная по своему покрою. Но особенно торжественно выглядит одежда мальчиков, которым исполнилось пять лет, и девочек, которым

исполнилось семь лет. Пятилетние мальчики впервые надевают церемониальное кимоно и *хакама* (широкие шаровары, похожие на юбку), а семилетние девочки впервые повязывают свое праздничное кимоно настоящим поясом *оби*. По своему покрою эта одежда похожа на одежду взрослых. А сам праздник Сити-го-сан отмечает важные вехи в жизни детей.

Одна из особенностей традиционной календарной обрядности японцев заключается в том, что наряду с общегосударственными праздниками существует много местных, отмечаемых лишь в определенном районе страны или даже в одном-единственном храме.

23 ноября мы стали свидетелями одного из таких праздников, ежегодно проводимых в храме Сукуна-хикона-дзиндзя в Осака. Любопытна история самого этого храма. Существует предание, что в 1722 г. сёгун Токугава Ёсимунэ, путешествовавший в этих местах и оказавшийся в Осака, неожиданно заболел. В одном из кварталов ему удалось разыскать аптекаря, который вылечил его. По возвращении в свою резиденцию сёгун стал покровительствовать фармацевтам и лекарям, создав даже некое подобие исследовательского центра для изучения и систематизации средств народной медицины. Для того чтобы заручиться поддержкой сакральных сил, осакские аптекари решили создать специальный храм Сукуна-хикона-дзиндзя, который и был основан в 1780 г. Свое название он получил от имени Сукуна-хикона-но-микото, сына бога-творца Мусуби-но-ками. В традиционной японской мифологии он почитается как бог — покровитель медицины. Однако необходимо отметить, что храм Сукуна-хикона-дзиндзя является одновременно обителью и другого бога, также «специализирующегося» на излечении болезней, — Синно. Фактически это японский вариант древнекитайского Шэньнуна, которому приписывается изобретение земледелия и открытие целебных трав, — яркий пример религиозного синкретизма, вообще столь характерного для традиционной культуры японцев.

За два века существования этого храма многое изменилось в ритуале праздника Синно-мацури. Неизменным остался, пожалуй, лишь его символ — сделанное из папье-маше изображение тигра, кости которого, по древним поверьям, обладают магической способностью оберегать людей от воздействия злых духов и отгонять ночные кошмары. Ежегодно 23 ноября жители Осака и окрестных городков приходят в храм Сукуна-хикона-дзиндзя, чтобы полюбоваться красочным зрелищем выноса священных носилок (*микоси*), на которых восседают боги, и купить талисман — тигра, прикрепленного к зеленой веточке.

В середине декабря (16—18 декабря) мы предприняли поездку в г. Нара, где в течение трех дней и двух ночей имели возможность присутствовать на празднике Он-мацури, отмечаемом в храме Вакамия, находящемся на территории синтоистского храма Касуга-тайдзя. В организации этого краткого экспедиционного выезда нам оказали содействие и всестороннюю помощь сотрудники Минпаку — проф. Т. Минору и проф. И. Ито, а также журналист К-Хигути, который был лично знаком с настоятелем этого храма. Благодаря его рекомендации перед началом торжества мы были любезно приняты главным настоятелем храма Касуга-тайдзя господином Касанноин Сикатада, который ознакомил нас с историей храма и основными этапами праздника. Господин Касанноин Сикатада особо отметил, что на протяжении своей многовековой истории синтоистский храм Касуга-тайдзя был тесно связан с буддийским храмом Кофуку-дзи, расположенным неподалеку. И сейчас во время проведения больших праздников главы этих двух знаменитых храмов встречаются, в ходе совместных служб синтоистский священник читает *норито* (древние синтоистские песнопения — молитвы), а буддийский — *сутры*. В синтоистскую обрядность вошло многое из буддийской, например использование ароматических палочек.

Он-мацури наряду с ритуальными действиями, такими, например, как «встреча» бога, его чествования, моления, его «проводы», включает и светские по своему характеру представления и церемонии. К числу последних относятся красочная процессия горожан в одеждах различных исторических эпох, представления театра Но, соревнования по национальной борьбе *сумо*. Одно из самых сильных впечатлений от этого праздника — ритуальные танцы *кагура*, *дэнгаку*, танцы в масках *бугаку*, исполнявшиеся глубокой ночью, когда отблески костров и яркий свет полной луны, казалось, затмевали современное освещение. Своеобразный рисунок древних танцев, удивительные костюмы, фантастические маски, музыкальное сопровождение и состав оркестра — все это восходит к культуре Японии первых веков нашей эры, культуре, вобравшей в себя и элементы танцевально-музыкального наследия Индии, Китая и Кореи. И это прекрасное древнее искусство продолжает жить и волновать души и сердца своим неповторимым своеобразием, своей трогательной и возвышенной красотой...

С середины декабря в Японии начинается подготовка к празднованию Рождества (25 декабря) и Нового года.

В честь Рождественских праздников красочно и богато оформляются витрины магазинов, повсеместно появляются убранные игрушками искусственные елки и изображения Санта-Клауса. Сейчас в Японии все больше входит в традицию делать на Рождество подарки детям и близким родственникам.

После 15 декабря около входа в жилые дома, отели, учреждения и парки стали появляться украшения *кадомацу* («сосна у входа»), состоящие из веток, сосны, срезанных наискось зеленых стволов бамбука, а в некоторых местах из веток сливового дерева. Кадомацу — это символическое приветствие приближающемуся Новому году. Во многих местах рядом с кадомацу — вазы или цветочные горшки с большими головками цветной капусты. В свободное время многие едут в горы и там (иногда при буддийских храмах) покупают заготовленные небольшие «букеты» кадомацу для украшения входа своих жилищ.

Заранее готовят также и *симэнава* — сплетенную из рисовой соломы веревку, в которую на Новый год вплетают листья папоротника. Новогодняя симэнава часто дополняется мандарином. По традиции считается, что симэнава защищает от злых и темных сил. Поэтому ее вывешивают над входом в дом, ею украшают особо нужную в хозяйстве, утварь, в деревнях — сельскохозяйственные орудия, колодцы (а сейчас водопроводные краны), в рыбацких поселках — лодки.

В последнюю декаду декабря в магазинах (в больших универмагах и маленьких лавочках) начинается продажа новогодних украшений для домашнего алтаря. Это прежде всего мандарины (символы яшмы, яшмовой магатамы), прикрепленные к листьям папоротника; нанизанные на деревянную палочку сушеные плоды хурмы (символ меча); это приготовленные из муки клейких сортов риса большие лепешки (по форме напоминающие наши караваи) *моту* (символы зеркала), пирамидкой уложенные одна на другую. Все это важнейшие компоненты новогоднего убранства японского дома. Они устанавливаются обычно в *токонома* (особая ниша в традиционном японском доме, которая является его своеобразным эстетическим центром) на специальной подставке. Это новогоднее украшение называется *осёгацу тана* («новогодний домашний алтарь») или *тосиками-но дза* («алтарь для новогоднего божества»), Осёгацу тана, как мы могли убедиться, иногда включает и другие предметы, например сушеную креветку (символ пожелания здоровья), сделанные из рисовой соломы фигурки, очень часто напоминающие птиц. В Киото, Осака, Нара, Химэдзи многие дома на Новый год украшаются ветками (правильнее — прутьями) сливового дерева, на которые наниза-

ны разноцветные (обычно розовые и белые) маленькие шарики из моти, так называемые *мотибана* («цветы из моти»).

Новый год в Японии — государственный праздник. С 28 декабря па 4 января в стране — новогодние каникулы. В предновогодние дни идет широкая распродажа товаров, так как Новый год — это время взаимных подарков, праздничных визитов, интересных поездок и экскурсий.

Несмотря на то что в Японии уже давно сформировался общепонский характер новогоднего торжества, во многих районах страны до сих пор сохраняются свои особенности, в чем мы отчасти имели возможность убедиться, изучая этнографические фильмы в видеотеке Минпаку. Немало традиционных новогодних обрядов по-прежнему бытует в сельской местности.

Для изучения обычаев и обрядов традиционного новогоднего праздника дирекция музея предоставила нам возможность посетить горную деревню Цугэмура (окрестность г. Нара). Здесь благодаря гостеприимству господина Иманиси, одного из старейших жителей деревни, нам удалось увидеть подготовку к Новому году и обычаи, связанные с его встречей. Так, например, мы наблюдали древний обряд *фукумару-мукаэ*. Обряд этот совершается вечером 31 декабря (так как в древности Новый год наступал с заходом солнца) и заключается в том, что зажигают первый в Новом году огонь и приносят в дом счастливые камни. Как один из старейших жителей своего квартала (в котором раньше жили близкие родственники) господин Иманиси передавал «огонь Нового года» своим соседям. С заранее зажженным фонарем (в правой руке) и специальным подносом, на котором лежали листья папоротника и мандарин (в левой руке), он вышел из дома для встречи со своими соседями. Они (5 чел.) ждали его на перекрестке, держа в руках пока еще не зажженные фонари. На определенном месте, на краю поля и дороги, Иманиси зажег от своего фонаря пучок соломы и бросил в огонь листья папоротника с мандарином. Такие же «подарки-подношения» бросили в огонь и все присутствующие. Затем они зажгли от этого костра свечи, а от них засветили свои фонари. Иманиси сказал всем несколько приветственных слов и угостил всех сладостями.

Со светящимися фонарями в руках все разошлись по домам, унося с собой «огонь Нового года». От этого огня люди зажгут огонь в очаге, и он будет гореть весь год. После завершения церемонии зажигания новогоднего огня Иманиси достал из специального укрытия три небольших камня красноватого оттенка. Положив их на белый лист бумаги, на специальном подносе он отнес их в свой дом, где они будут храниться весь год как символ счастья и благополучия...

Кроме этого, праздничные торжества первых дней Нового года мы наблюдали в г. Тэнри и в окрестностях г. Нара. В эти дни японцы, обычно семьями, совершают экскурсии, посещают синтоистские и буддийские храмы. Очень многие — и женщины, и мужчины, и дети — надевают традиционную одежду, кимоно, специально предназначенные для новогодних праздников. Мы видели эту праздничную нарядную толпу и в синтоистских храмах Мива-мёдзин и Исоноками-дзингу, и в буддийских храмах Якуси-дзи и Госюдай-дэн, и в храме секты Тэнрикё.

В дни новогодних праздников в отдельных местах можно было видеть взлетающих в небо воздушных змеев (*тако*). Запускание воздушных змеев — любимая традиционная новогодняя игра мальчиков. В маленьких двориках можно было видеть молодых родителей, играющих со своими дочерьми в волан (*ханэцуки*).

Много интересных материалов о новогодних праздниках мы собрали также в Химэдзи, где были гостями наших давних знакомых Р. Курокава и К. Такэбэ. Встречи и беседы с ними очень помогли нам в изучении традиций новогоднего праздника, новогодней пищи, новогодних игр и развлечений.

В задачи нашей научной командировки входило также ознакомление с имеющимися в Японии материалами по исторической и современной этнографии корейцев и китайцев.

Так, для одного из нас — корееведа было очень полезным участие в проходивших в конце ноября в Минпаку научных заседаниях, посвященных изучению шаманизма, на которые приехало немало специалистов из различных научно-исследовательских центров Японии. На одном из заседаний (28 ноября 1980 г.), проходившем под председательством проф. М. Кимири, с докладом об институте шаманок на о. Чиндо (Южная Корея) выступил К. Ито (Токийский университет). В основу его доклада были положены полевые материалы, собранные во время экспедиций на о. Чиндо. На этом же заседании был показан уникальный этнографический фильм, снятый в наши дни на о. Чиндо и рассказывающий о древнем обычае омывания костей при совершении церемонии вторичного захоронения.

Немало чрезвычайно интересных этнографических фильмов, снятых в Корее, удалось увидеть в собрании видеотеки Минпаку. Хочется отметить фильм (№ 10050), посвященный церемониальной музыке, которая в период правления династии Ли (1392—1910 гг.) исполнялась придворным оркестром в храме предков правящей династии во время совершения обряда жертвоприношения духам предков. В этом фильме интересны и сама музыка, и древние музыкальные инструменты, и костюмы, и особый, замедленный, торжественный ритм сакральной церемонии.

Один из фильмов (№ 10554), снятый в 1978 г., посвящен народному корейскому театру — танцам в масках, до наших дней бытующим и в провинции Кёнгидо. Фильм «Танец Чхоёна в Корее» (№ 10049) воспроизводит исполнение одного из древних корейских театрально-танцевальных действ. Миф о сыне Дракона Восточного моря Чхоёне, победившем беса лихорадки, был известен еще в период Силла (IX в.). Позднее на основе песни о Чхоёне сложилось драматическое представление. В период правления династии Корё (X—XIV вв.) танец Чхоёна исполнялся в масках. Существовал обычай давать представления Чхоёнму («Танец Чхоёна») в последнюю ночь 12-го месяца, для того чтобы изгнать темные, злые силы⁵. Фильм свидетельствует о том, что представление в масках Чхоёнму сохранилось до наших дней.

Продолжить изучение этой темы мы смогли во время посещения великолепного историко-этнографического музея «Тэнри санкокан» в г. Тэнри. Основанный в 1930 г. музей недавно отметил свой пятидесятилетний юбилей⁶. В его собрании — богатые коллекции по археологии и этнографии народов мира. Наше внимание привлекли экспонаты корейской коллекции (в общей сложности 567 предметов): деревянные столбы (*чанъсун*) с антропоморфными личинами, некогда стоявшие на околицах корейских деревень; предметы одежды и утвари; музыкальные инструменты; картины с изображением божеств, принадлежавшие шаманкам (*мудан*). Помимо этого в музее хранится уникальная коллекция корейских масок (12 предметов), которые использовались во время представлений труппы театра масок (*Сандэ тогам*) в начале XVII в. Выступления театра масок приурочивались к календарным праздникам. Это собрание корейских масок, датируемых началом XVII в. (на одной

⁵ Корейская классическая поэзия (Пер. Анны Ахматовой. Общая редакция, предисловие и примечания Холодовича А. А.). М.: Изд-во худ. лит., 1965, с. 4, 24—26, 240, 241; Корейские предания и легенды из средневековых книг. (Пер. с ханмуна). М.: Изд-во худ. лит., 1980, с. 229—231, 280.

⁶ The Tenri Sankokan Museum. Its past and present. Tenri, Nara, Japan, 1974; Тэнри санкокан. Годзю сюнэн-о мукаэтэ (Музей Тэнри санкокан. К 50-летию юбилею). Тэнри, Нара, 1980 (на яп. яз.).

из них сохранилась дата ее изготовления— 1624 г.), экспонировалось во время нашего посещения Тэнри санкокан на специальной выставке, посвященной маскам народов мира и открытой в связи с юбилеем музея \ Всего на этой выставке были представлены 283 маски из Японии, Кореи, Китая, Индии, Непала, Индонезии, Океании, Африки, Америки (все маски из собраний музея).

Большую ценность представляют собранные в Тэнри санкокан археологические и этнографические коллекции из Китая. Около 3 тыс. археологических предметов включают крашеную керамику неолитического времени из Ганьсу, бронзовые ритуальные сосуды и оружие иньской и чжоуской эпох, погребальную скульптуру периода Хань, разнообразные вещи III—VI вв., а также танскую керамику и фарфор. Китайская этнографическая коллекция насчитывает 4627 предметов, среди которых утварь, одежда, мебель, лодки и бамбуковые плоты (из Южного Китая), музыкальные инструменты, *хуанцзы* (предметы, вывешивавшиеся в старых китайских лавках и заменявшие вывески), разнообразные культовые вещи.

* * *

Незабываемой была поездка на Кюсю, где наш маршрут охватил большую часть этого острова. Нам не только посчастливилось посетить такие города, как Нагасаки, Симабара, Кумамото, Дадзайфу, Хаката, Фукуока, Хюга, Миядзаки, но и осмотреть национальные горные парки Ундзэн и Асо, достопримечательности и храмы горы Такатихо, с которой связаны древнейшие мифы японцев; крохотный коралловый остров Аосима. Эта поездка дала нам возможность почувствовать своеобразие природных и этнографических особенностей Кюсю, воочию увидеть многие памятники истории и современности. Трудно забыть архитектурный и культурный облик Нагасаки, города, пережившего атомную бомбардировку и вновь возродившегося к жизни; средневековый замок, горделиво возвышающийся над современными широкими проспектами Кумамото; парк *ханива* — глиняных скульптур, некогда украшавших курганы древнеяпонской знати (IV—VIII вв. н. э.) в Миядзаки. Все это расширило наши представления о Кюсю и его древней истории. Разнообразна природа Кюсю: изрезанное морское побережье с многочисленными островами, холмы и высокие горные кряжи, действующие вулканы и плодородные долины, огромные города и горные деревушки, небольшие поселки, незаметно переходящие в пригороды промышленных центров. И все-таки Кюсю прежде всего запомнился золотистыми осенними рисовыми полями, нередко поднимающимися по склонам холмов, где каждый новый уступ надежно укреплен камнями и дерном, осенними полями, на которых тут и там возвышались «деревянные лошадки», оселанные снопами собранного урожая. Трудно забыть мандариновые рощи, порою как бы висящие на крутых подъемах; двухэтажные, под черепичной крышей жилища с традиционными маленькими садами около них, в которых деревья хурмы, сбросив листья, гордо красовались сочными яркими плодами; зеленые бамбуковые леса, спускающиеся прямо к дороге; рыбацьи поселки и уходящие далеко в море верши для сушки сетей и сбора водорослей...

Посещение Кюсю и особенно знакомство с его историческими достопримечательностями дали нам очень много для изучения проблем культурных контактов Японии с соседними народами и государствами, в первую очередь с Китаем и Кореей. Очень полезным было знакомство с Историческим музеем Кюсю в Дадзайфу. Мы были любезно приняты директором музея проф. К. Окадзаки. Нас познакомили с богатой экспозицией музея и основными публикациями научного коллектива.

⁷ Masks: The instruments of metamorphosis. An Exhibition for the 50-th Anniversary of Founding. Tenri, 1980.

Одна из них — подготовленный сотрудниками музея сводный каталог бронзового оружия III—I вв. до н. э., обнаруженного в раскопках и случайных находках на территории Японии⁸. Проникновение на Японские острова бронзовых изделий произошло почти одновременно с распространением там техники выращивания риса, что предопределило глубокие изменения в характере производства и культуре населения. Наиболее раннее бронзовое оружие, обнаруженное в Японии (мечи, наконечники копий, клевыи), чрезвычайно близко к аналогичным предметам из Кореи и Маньчжурии; это, несомненно, привозные вещи, на что указывает и ареал их распространения, практически ограниченный северо-западной оконечностью Кюсю. С течением времени этот ареал расширяется, но одновременно изменяются и морфологические особенности отдельных предметов. Большой материал, обобщенный в каталоге, впервые дает полное представление о распространении раннего бронзового оружия в пространстве и времени. Ценность этого издания в том, что оно включает также опыт типологического исследования бронзовых предметов III—I вв. до н. э. И хотя авторы не ставили перед собой задач, выходящих за рамки обобщения археологического материала, их труд отныне нельзя будет не учитывать при изучении проблемы этнодемографических процессов, происходивших на Японских островах в последних веках до нашей эры.

Для одного из участников нашей группы — китаиста посещение Кюсю было интересным еще и потому, что один из наиболее крупных городов этого острова — Нагасаки явился местом формирования в XVIII в. первой в Японии колонии китайских иммигрантов. До сих пор в Нагасаки сохранилось немало памятников, связанных с деятельностью ранних китайских переселенцев. Под их влиянием в материальной культуре японцев сложились некоторые специфические черты, получившие в настоящее время самое широкое распространение (например, ставшая одним из наиболее любимых японцами блюдом лапша с заправкой из овощей и мяса и пр.). Между прочим именно в Нагасаки в конце XVIII в. Накагава Тадахидэ составил со слов проживавших в этом городе китайцев описание их обычаев, изданное им впоследствии под названием «Записки о нравах империи Цин». Это прекрасно иллюстрированное сочинение, переизданное недавно с обширными комментариями, представляет собой ценный источник по исторической этнографии китайцев. Первый том его специально посвящен календарным праздникам и обрядам⁹. Большое число экспонатов, связанных с этнографическими особенностями быта ранних китайских переселенцев, сосредоточено в Историческом музее Нагасаки.

Одно из самых ярких воспоминаний о Японии связано у нас с пребыванием на Окинаве.

Невозможно забыть удивительную картину, открывающуюся из иллюминатора самолета: сначала панорама южной части о. Кюсю с уходящими в небо горными вершинами, зелеными долинами и изрезанной кромкой морского побережья, а затем в сиянии утреннего солнца, в голубом просторе океана изумрудное ожерелье островов. Это были Рюкюские острова.

С особым волнением через 1,5 часа полета сошли мы на землю Окинавы. В 20-х годах (в 1922, 1926 и 1928 гг.) на Окинаве трижды бывал выдающийся русский и советский востоковед и этнограф Николай Александрович Невский (1892—1945). Основной целью его путешествия было изучение фольклора и этнографии островов Мияко, входящих в

⁸ Бронзовое оружие. Дадзайфу, 1980 (на яп. яз.).

⁹ Накагава Тадахидэ. Записки о нравах империи Цин. Т. 1—2. Токио, 1978 (на яп. яз.).

состав Рюкюского архипелага¹⁰. Вклад Н. А. Невского в изучение этнографии Окинавы высоко оценен и японской, и советской наукой¹¹.

Столица Окинавы Наха встретила нас жаркой ноябрьской погодой. Температура достигала 25—27°. И только постоянно дующие над островом ветры смягчали этот непривычный для нас в это время года летний зной.

Три дня нашего пребывания на Окинаве были чрезвычайно плодотворными. Мы познакомились с экспозицией и фондами Префектурного музея Окинавы в г. Наха, осмотрели достопримечательности города. В окрестностях древней столицы Окинавы — г. Сюри (ныне вошедшего в состав г. Наха) мы посетили величественный памятник XVI в. — усыпальницу рюкюских правителей.

Очень полезными были для нас беседы с научными сотрудниками музея, а также с учеными-этнографами — проф. Ю. Сасаки и проф. М. Хига. Благодаря любезности проф. М. Хига мы совершили поездку в деревню Гусикэн, расположенную к северу от Наха.

Мы имели возможность убедиться в том, что материальная и духовная культура жителей Окинавы отличается большим своеобразием. По-прежнему любовью пользуются рюкюские ткани *бингата* ярких расцветок, а также ткани *эигата*, в которых превалирует синяя гамма. В качестве праздничной одежды сохраняется традиционный женский костюм.

В пище жителей Окинавы наряду с рыбой, продуктами моря и овощами особое место занимает свинина. Когда рюкюсцы говорят о мясе, они прежде всего имеют в виду свинину. Праздничными деликатесами считаются такие блюда, как *мимига* (приготовленное из уха свиньи), *тэбити* (жареные свиные ноги), *накажи* (жареные кишки свиньи).

Среди различных видов декоративно-прикладного искусства Окинавы важное место занимает керамика. Керамическое производство насчитывает здесь несколько столетий. Окинавские мастера издавна славились своим искусным изготовлением черепицы, богатых оссуариев, созданием многоцветных фигур фантастических львов, пононе украшающих крыши домов и ворота усадьб. Самобытными по форме являются и окинавские сосуды, например сосуд для сакэ *датибин*, который раньше прикрепляли к поясу, или другой сосуд для сакэ — *каракара*, по форме напоминающий наш чайник для заварки чая.

Одним из самых известных на Окинаве керамистов является Киндзё Дзиро, мастерская которого была основана еще в 1924 г. Мы побывали у Киндзё Дзиро и познакомились с образцами его продукции.

Своеобразием отличается и традиционная социальная организация жителей Окинавы, в которой особое место принадлежит *моту*. Эта родственная группа типологически близка к патронимии, с тем, однако, существенным отличием, что главная роль в *моту* отводится женщинам и родству по женской линии. Женщины-жрицы *норо* до сих пор руководят проведением основных обрядов и праздничных действий, связанных с календарными праздниками.

В деревне Гусикэн нам показали возвышающуюся на одном из высоких склонов холма ритуальную постройку *камиасиагэ*, где женщины-жрицы (*каминчу*) из двух-трех близлежащих деревень во главе с *норо* совершают различные обряды. Например, они собираются здесь во время празднования Нового года по лунному календарю. Во время празд-

¹⁰ Невский Н. А. Фольклор островов Мияко. М.: Наука, ГРВЛ, 1978; Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. с. 94—120.

¹¹ Като Кюдзо. Биография Н. А. Невского. — В кн.: Н. А. Невский. Луна и бессмертие. Токио, 1972 (на яп. яз.); его же. Небесная змея. Токио, 1976 (на яп. яз.). За книгу «Небесная змея» проф. К. Като был удостоен литературной премии Осараги Дзиро.

ника *Ундзями* (он приходится на июль-август и связан со сбором первого урожая) женщины-жрицы «встречают» здесь морского бога, чувствуют его, а затем провожают до самого берега. Рядом с *камиасиагэ* — широкая поляна, где происходят праздничные гуляния жителей деревень. Обращает на себя внимание конструкция самой постройки — фактически это огромная крыша, поддерживаемая многочисленными столбами. По своему внешнему виду *камиасиагэ* удивительно похожа на общинные дома, которые одному из авторов этого сообщения довелось в 1971 г. видеть на архипелаге Гилберта (Микронезия). Вообще южные океанические элементы весьма ощутимо прослеживаются в традиционной культуре рюкюсцев.

До недавнего времени на Окинаве широко бытовал древний обычай торичного захоронения. Огромные склепы-усыпальницы, в которых еще несколько десятилетий тому назад хоронили представителей одного рода и которые называются *камэкобако* («черепашьи склепы»), то тут, то там встречались нам на склонах зеленых холмов. Они, действительно, напоминают гигантских морских черепах, как бы случайно оказавшихся на земле и теперь спускающихся к морскому побережью. Эта форма характерна и для усыпальницы рюкюских правителей. Не только в сельской местности, но и в Наха мы видели эти древние склепы, некоторые из них по-прежнему являются местом захоронения членов наиболее знатных родов.

...Дорога уходит на север. Остались позади окраины г. Наха. Шоссе пролегло среди широких плантаций сахарного тростника, являющегося в наши дни одной из основных сельскохозяйственных культур Окинавы. Неожиданно пейзаж меняется — и на несколько десятков километров тянутся унылые заграждения американской военной базы, которая по-прежнему существует на Окинаве...

Чем дальше на север, тем ближе горы подходят к морю, и вот уже дорога вьется по тонкой кромке побережья лазурных вод океана. В небольших горных долинах раскинулись деревни, и почти над каждой господствует та или иная вершина. На многих из них до наших дней сохранились развалины древних крепостей, стены которых, выложенные из огромных камней, поражают своей грандиозностью и величием.

Жители Окинавы бережно относятся к своей традиционной культуре. Огромное впечатление произвел на нас музей деревни Ёмитани, созданный на средства деревенского комитета. Музей возглавляет человек, влюбленный в свое дело, ученый-этнограф Г. Накама. В нескольких залах нового светлого здания музея разместилась богатая экспозиция, в которой представлены археологические и этнографические материалы, характеризующие своеобразную культуру края. Постоянные посетители музея — жители деревни, многочисленные гости и, конечно, дети, прежде всего школьники всех возрастов. К их сердцам обращен основной девиз музея, прекрасно выраженный в его названии «Музей наших богатств».

Музей в деревне Ёмитани выпускает свои собственные периодические издания — «Краткие сообщения» и «Вестник» (в последнем номере которого наряду с прочими материалами помещено исследование о татуировке у рюкюсцев)¹².

В заключение нельзя не упомянуть о наших встречах со многими представителями современной японской творческой интеллигенции, общение с которыми обогатило нас в научном и чисто человеческом плане. Особенно плодотворными были беседы с журналистом К-Хигу-

¹² Вестник музея истории и этнографии деревни Ёмитани, 1979, № 4, с. 25—75 (на* яп. яз.).

ти (Киото), каллиграфом Х. Мацумото и керамистом С. Цудзимура (Нара), художником М. Миёкито и графиком Ф. Имэй (Химэдзи).

Благодаря этим встречам мы имели возможность познакомиться с мастерами современного японского искусства, поближе увидеть их произведения, побывать в их мастерских.

Нельзя не вспомнить великолепные выставки Японского музея народных ремесел (Ниппон мингэйкан), выставочный зал которого также расположен на территории парка «Экспо-70»; нашу встречу с проф. Т. Катада и его молодыми учениками — студентами университета Тэдзукаяма (Нара), занятыми раскопками палеолитической стоянки; посещение востоковедческого центра в Киото и встречи с проф. М. Хаяси; беседы с директором библиотеки Тоёбунко проф. К. Эноки (Токио); посещение мемориального дома-музея всемирно известного писателя Я-Кавабата (Камакура).

Так за время пребывания в Японии благодаря доброму отношению японских друзей и коллег мы имели возможность не только осуществить непосредственные цели нашей научной командировки, но и познакомиться со многими сторонами своеобразной культуры японского народа.